

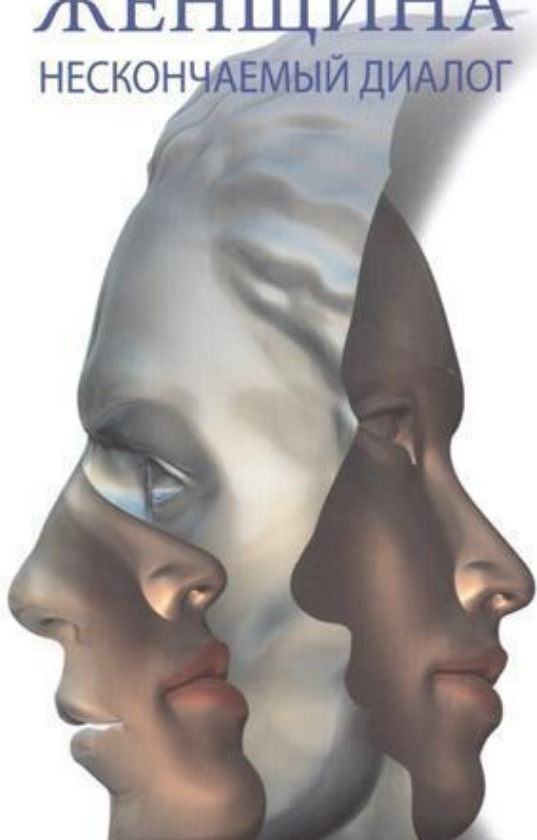
РОБЕРТ ЕНГИБАРЯН

МУЖЧИНА

и

ЖЕНЩИНА

НЕСКОНЧАЕМЫЙ ДИАЛОГ

Роберт Вачаганович Енгибарян

Мужчина и женщина: нескончаемый диалог

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22028009

Мужчина и женщина: нескончаемый диалог: роман/Роберт Енгибарян:

Норма; Москва; 2013

ISBN 978-5-91768-389-8

Аннотация

Стремительная либерализация общественных нравов напрямую отражается на отношениях мужчины и женщины. Происходит небывалое уравнивание их социальных ролей. По швам трещат устои института брака и семьи, широко распространяются так называемые гражданские браки и другие союзы между мужчиной и женщиной, при которых безгранично расширяются их права, а взаимные обязательства сводятся к минимуму. Именно на этом фоне разворачиваются интригующие события в жизни главного героя, олицетворяющего дух и нравы современной России, да и всей западной цивилизации.

Для широкого круга читателей.

Содержание

От автора	5
Предисловие	8
Баловень судьбы	10
Милосердие	41
Фарфоровая китаянка	70
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Роберт Енгибарян
Мужчина и женщина:
нескончаемый диалог
Роман

© Енгибарян Р., 2013

От автора

Несколько лет назад мой зять, выпускник Бостонского университета по искусствоведению, и моя дочь, выпускница университета Макгилла (Монреаль), сняли в Голливуде в качестве соответственно режиссера и продюсера малобюджетный полнометражный художественный фильм. Несмотря на то что фильм в жанре мелодрамы получился добротным и очень человечным, а главные роли исполняли талантливые артисты-оскароносцы, особого кассового успеха он не имел и был впоследствии куплен кабельным телеканалом.

Фильм рассказывал о проблемах, с которыми пришлось столкнуться одной семье. Сценарий показался мне довольно интересным, однако незатейливым и лишенным интриги, способной привлечь зрителя. Я честно сказал об этом и обещал при случае написать несколько рассказов, которые могли бы лечь в основу киносценария. Поскольку какого-либо опыта работы в подобном жанре у меня не было, дочь и зять отнеслись к предложению с понятным скептицизмом. Но вот я наконец выполнил свое обещание и представил на суд читателей три рассказа, посвященных одной из главных проблем современности – метаморфозам, происходящим с понятиями любви, брака, семьи и ответственности, и как следствие – сужению христианской цивилизации.

Причина, заставляющая меня ставить в центр внимания

проблемы брака и семьи и их влияние на демографическую ситуацию, от которой во многом зависит будущее любой страны, заключается в царящих сегодня среди определенной части молодежи гедонистических настроениях и стремлении быть свободными от любых обязательств морального, финансового и юридического плана, что приводит к распространению так называемых гражданских браков или же семейных союзов, пусть и юридически оформленных, но зачастую бездетных либо только с одним ребенком – к тому же его воспитание молодые люди нередко пытаются переложить на плечи собственных родителей или социальных структур. Получается, что, будучи морально должными перед родителями и обществом за факт своего рождения, полученное образование и разнообразные социальные блага, они предпочитают оставаться вечными должниками, выбирая дальнейшее одиночество и разъедающее душу сознание бесцельно прожитой жизни.

Для тех читателей, кто знает меня по научным трудам, – моих коллег, студентов и аспирантов – считаю нужным пояснить, что откровенность и даже определенная фривольность этих рассказов обусловлена особенностями выбранного жанра и потенциальной возможностью их экранизации.

После прочтения книги мои родные нашли истории, которые я им поведал, интригующими и перспективными с точки зрения будущих киносценариев. Признаться, главным для меня было именно их одобрение, а вовсе не то, что по моим

рассказам могут снять фильм, хотя, разумеется, последний вариант был бы для меня очень приятным.

Предисловие

Психология человека, глубинные мотивы его действий, факторы, определяющие его судьбу, добровольный или вынужденный выбор жизненных путей – эти вопросы всегда привлекали мое внимание. По какой логике одних, возможно, не самых лучших представителей человеческого рода, судьба возносит до небес, превращая их в полубогов, властителей судеб миллионов и миллионов людей, а других назначает страдальцами, мучениками или достойными жалости неудачниками? Где грань между везением и невезением? В какой степени это зависит от действий самого человека?

Обо всем этом я в очередной раз задумался, познакомившись с одним, на мой взгляд, исключительно интересным человеком. Мы с ним были соседями по даче, общались довольно часто, я изучал его много лет и не перестал удивляться, а возможно, в чем-то и завидовать. Личностью он был крайне противоречивой, и многие его действия трудно было квалифицировать в категориях добра и зла, морали и аморальности, жестокости и милосердия. Этот человек родился, чтобы наслаждаться, и для этого жизнь предоставила ему широкие возможности.

Моему герою везло во всем. Он не старался заслужить удачу – она сама его находила. В первую очередь повезло ему со временем и местом рождения, социальным ста-

тусом, внешностью и, что немаловажно, со здоровьем. Он родился в начале 60-х годов прошлого века, когда дряхлеющий социализм советского образца уже начал давать системный сбой, а зрелые его годы пришлись на период дикого, чекистско-бандитского, олигархического капитализма в России. Новые ельцинско-путинские времена нравились ему безмерно. Ни партийной организации, ни административного пресса – лишь безбрежная анархическая свобода, чудовищная криминализация общества и коллективная безответственность на любом, в том числе на высшем государственном, уровне. Не было ничего невозможного, не существовало никаких моральных или духовных преград. Семидесятилетний период нищеты и страха, лживой морали, всеобщего дефицита остался позади. Настало время дикого индивидуализма и вседозволенности, разрушения нравственных устоев, разложения общества и царящей повсеместно идеологии гедонизма и обогащения. Народ старался выжать из новых условий все, что возможно. Девиз – меньше работать, больше получать и наслаждаться, наслаждаться свободой и ничегонеделанием. Когда потаенные, заложенные удивительным смешением генов необузданные сладострастные желания нашего героя вырвались наружу, он оказался в подходящем месте и в подходящее время.

Баловень судьбы

Алексей Андреевич Мальков, или, как называли его друзья и подруги, Алекс, по специальности врач-гинеколог, кандидат медицинских наук, работал на полставки профессора-консультанта в одном из привилегированных правительственных санаториев ближнего Подмосковья. Его отец, известный ученый, академик, директор солидного биохимического института, добропорядочный и послушный подданный коммунистической власти, добился многого не только в научном, но и, по советским меркам, в социальном плане: четырехкомнатная просторная квартира в кирпичном правительственном доме на улице Льва Толстого, дача в подмосковном Переделкино. Последовательно, со знанием дела он собирал прекрасную коллекцию произведений искусства: картины российских и западных (в основном европейских) художников XIX – начала XX века, иконы старинных мастеров, серебро и другой антиквариат. Мать, врач-терапевт, профессор медицинского института, красивая и артистичная брюнетка с греческими корнями, приложила много усилий, чтобы дать единственному сыну достойное многопрофильное образование. Нанятая гувернантка, бывшая учительница, еле успевала таскать Алешу от репетиторов по иностранным языкам на занятия музыкой, а оттуда – на тренировки по плаванию. К великому огорчению родителей, их

исключительно красивый, высокий, стройный мальчик ни в спорте, ни в музыке, ни тем более в учебе ничем себя не проявил и был явным середнячком. Особенно трудно ему давались естественные науки, а по математике у него каждый год бывали переэкзаменовки. Единственное, что любил наш герой, – беспорядочное чтение художественной литературы, особенно любовно-драматического жанра.

Мальчик рос эгоцентричным, скрытым, с явными признаками нарциссизма. Вместе с тем он был вежливым и казался приветливым. В глубине души Алексей никому не доверял и никого не уважал, однако умело притворялся доброжелательным и стеснительным молодым человеком, жаль только, что исключительно рассеянным. Эту карту он разыгрывал весьма умело, что не раз спасало его от различных больших и малых неприятностей. Эгоистичен и себялюбив он был до такой степени, что ему не хватало душевных сил даже на любовь к природе, тем более к животным. Родителей он, конечно, любил, хотя и весьма своеобразной собственнической любовью, и выжимал из них все, что возможно: не только дом, дачу и многомиллионную (в долларовом исчислении) коллекцию антиквариата, но и полезные знакомства, умело направляя их энергию на собственное продвижение в обществе. С помощью родителей он, не прилагая особых усилий, защитил ученую степень кандидата медицинских наук по гинекологии. Будучи физически довольно развитым, Алексей не любил жесткие виды спорта и грубые игры, а с

крепкими и драчливыми сверстниками старался по возможности поддерживать хорошие отношения. При необходимости поддерживать хорошие отношения. При необходимости, когда ему было сложно общаться с ними, он вызывал на помощь водителя отца, бывшего милиционера, сильного и жесткого мужика средних лет, или сына домработницы – хулиганистого молодого боксера, выросшего на Таганке.

Еще в школе Алексей понял, что его красота и сопутствующий ей успех у девушек могут быть чрезвычайно полезны в жизни. Девушкам нравилась его ухоженная внешность, темно-каштановая пышная шевелюра, большие зеленые глаза, тонкое лицо и классической формы нос, по-видимому, унаследованный от матери, а рассеянно-добродушный вид вводил в заблуждение даже тех подруг, которые были значительно старше его и по возрасту, и по опыту. Сам он, в свою очередь, любил женщин самозабвенно, всей душой.

Иной страсти у него не было, все прочие жизненные цели – карьера, учеба, работа, семейные и дружеские отношения – отодвигались на второй план. Женская ласка и секс, радость которого Алекс познал уже в пятнадцать лет, первым среди одноклассников, были главным смыслом его жизни, главной ценностью, ради которой он старался быть здоровым, красивым и успешным. Он всегда соблюдал диету, умеренно занимался спортом, научился неплохо танцевать, рассказывать смешные анекдоты, играть несколько романсов на фортепьяно и чувственно петь. Пил он только легкие вина, и то не всегда. Даже карьера врача-гинеколога нужна была ему для

расширения возможностей общения с прекрасным полом.

О своей первой близости с женщиной – ассистенткой отца, двадцативосьмилетней разведенной красавицей Анастасией – Алексей вспоминал часто и с удовольствием. Анастасия по поручению своего шефа приводила его библиотеку и бумаги в порядок. Когда домработница выходила из квартиры за покупками или по другим хозяйственным нуждам, очарованный зрелой притягательностью ассистентки подросток глаз не сводил со смущенной молодой женщины. И вот однажды в августе, на черноморском побережье, куда вместе с семьей Мальковых приехала и Анастасия, их наэлектризованные тела замкнулись. Несколько недель Алексей не замечал ничего вокруг, кроме Анастасии и ее телесных прелестей, и поразил ее своей неистовостью и неиссякаемым желанием совокупления. О, с какой жадностью, раскрыв рты и чуть не впадая в оргазм, слушали его рассказы об этом эротическом опыте друзья-девятиклассники, как просили еще и еще раз повторять одни и те же эпизоды со всевозможными подробностями! Слух о «чудовищном» приключении Алекса разлетелся по школе. Старшеклассницы смотрели на юношу с восхищением и восторгом. Он был первым в школе! Никакая хулиганская или спортивная слава не могла сравниться со славой неотразимого Дон-Жуана, уже побывавшего «там», увидевшего «это»... Много лет спустя Алексей случайно узнал, что Анастасия была любовницей его отца и даже родила сына от него. Потом она удачно вышла замуж,

защитила докторскую, стала профессором и теперь заведует кафедрой одного из медицинских вузов. Желание увидеть брата по отцу Мальков в себе подавил. Он даже забыл об этом, и ему никогда и в голову не приходило раскрыть этот секрет кому бы то ни было, тем более матери. «Пусть живет спокойно и счастливо, – думал Алексей. – А может, она давно в курсе и тоже скрывает? Как знать...» Для себя он понимал одно: ему это не нужно, эту страницу жизни он давно закрыл.

Шесть лет в медицинском институте, год в ординатуре и три года в аспирантуре прошли в окружении вздыхающих по Алексею студенток, ассистенток и лаборанток. Поддались его чарам и некоторые преподавательницы, в том числе и те, что были старше его по возрасту и статусу, имели ученые степени и научные заслуги. Для немалой части своих подруг он стал первым мужчиной. Женщины тяжело и болезненно переносили разлуку с ним: просили вернуться, плакали, даже умоляли и унижались. Он утешал их, ласково улыбался, обещал... и обманывал. Наш герой действительно всех их любил своеобразной любовью, никогда ни с кем не бывал резок и груб, но ограничиваться одной женщиной, хотя бы и самой лучшей из них, не собирался. Это означало бы для него потерю смысла жизни. Он попросту не способен был любить одну и ту же женщину дольше двух-трех недель, самое большее месяца. Интересно и то, что он старался не общаться с особами легкого поведения, малообразованными и

грубыми, хотя небольшие подарки делал всем.

После окончания Первого Московского медицинского института Алексей поступил в аспирантуру, без труда защитился и тут же устроился врачом в институте физиотерапии, а потом в правительственной санатории, где работать было легко и приятно. Его друзья трудились лечащими врачами в больницах и поликлиниках, дежурили сутками, переживали неудачи и смерти пациентов, совершенствовались в профессии, а он жил санаторной жизнью, немного консультировал, если же случай оказывался чуть более сложным – направлял отдыхающего «больного» к другим специалистам. При этом Алексей мог быть ничем не занят целыми неделями, так как среди отдыхающих очень немногие нуждались в консультации гинеколога. Однако наш герой не бездействовал – он без усталости «трудился» в постели, с каждым годом оттачивая свое мастерство по оказанию секс-услуг, доведя его почти до совершенства.

Разумеется, в жизни любого человека отношения с противоположным полом занимают особое место и, даже постепенно затихая со временем, остаются с ним навсегда. Однако с возрастом акценты обычно меняются – появляются семья, дети, обязанности, профессиональные интересы. Но наш герой никаких обязанностей, кроме как перед своим телом – безотказной секс-машиной, – старался не иметь. Когда скончался отец Алексея, тот находился в туристической поездке в Бразилии в компании двух девушек. Пока его нашли (а он

никогда не оставлял свой адрес), пока он прилетел, отца уже похоронили чужие люди. Впрочем, маму Алексей любил и был к ней по-своему внимателен – после смерти отца перевез ее на дачу и, несмотря на сохранившуюся физическую активность матери, нанял для нее сиделку-домработницу, бывшую медсестру среднего возраста. Теперь он мог полностью отдаться своей безмерной страсти – уходу и завоеванию расположения женщин. Я сейчас намеренно не говорю о сексе, поскольку именно процесс ухода, быстрого психологического и лишь потом физического покорения женщины доставлял Алексею истинное наслаждение.

Спустя примерно десять лет после окончания института Алексей по настоянию родителей, угрожавших в противном случае лишить его всего, женился на очаровательной девушке Ирен из известной профессорской семьи. Однако после полугода совместной жизни молодая жена глубоко разочаровалась в своем муже, который по-прежнему не готов был как ограничиться одной женщиной, так и полюбить еще кого-то, кроме себя. Супруги разошлись. Брак они юридически не расторгли, у них родилась прелестная дочка, которая росла и воспитывалась у матери Алексея. У бабушки с материнской стороны было онкологическое заболевание, не позволявшее ей заниматься внучкой. Уже в двенадцать лет девочка была отправлена в Англию на учебу и гостила у родных только летом. Ирен, сама медик по профессии, сделала успешную карьеру, со временем стала опытным практикующим врачом

с докторской степенью, и этот факт неизменно вызывал зависть и неприязнь Малькова, напоминая о том, что он так и остался кандидатом наук и середнячком в медицине.

* * *

Итак, в описываемое мною время Алексею исполнилось сорок лет. Раз в неделю он ездил на работу уже в качестве профессора-консультанта в подмосковный правительственный санаторий – скорее для удовольствия, общения и расширения знакомств, а не ради материальной выгоды или карьеры. К своей скромной зарплате наш герой даже не притрагивался – оставлял ассистирующей ему медсестре. В начале 90-х годов Алексей с помощью одной своей влиятельной любовницы за бесценок приобрел в Москве около тысячи квадратных метров нежилых помещений, сдав их в аренду различным организациям медицинского направления: аптекам, салонам красоты, стоматологическим кабинетам. Управляла всем этим хозяйством другая его бывшая любовница, довольно способная пробивная женщина. Сумма, которую Мальков получал от арендаторов в конце каждого месяца, была довольно внушительной – на своей официальной должности он заработал бы столько примерно за десять лет. О том, чтобы зарабатывать еще больше, он и не думал – деньги сами приходили к нему в количествах, вполне достаточных, чтобы покрыть его расходы на разнообразные удовольствия.

Прекрасная квартира и дача, унаследованные от родителей, вполне удовлетворяли Алексея, еще одну съемную квартиру с приходящей домработницей он держал для встреч с многочисленными подругами. К себе домой, в напичканное антиквариатом родовое гнездо, он приводил женщин лишь в редких случаях. Кроме того, Алексей оплачивал услуги помощника – бывшего подполковника разведки, двух сменных водителей и еще одной домработницы для основной квартиры. Но главные его затраты составляли расходы на рестораны, концерты, подарки женщинам, иногда – плата за их услуги; немалых средств требовали и многочисленные туристические поездки, всегда в сопровождении новой любовницы. Решение вторично отправиться в путешествие с одной и той же женщиной Алексей принимал крайне редко, лишь в том случае, если она ему чем-то особенно понравилась. Постоянная смена подруг и впечатлений была его главным девизом.

«Миллиарды, мигалки, звездные погоны еще не означают, что вы, товарищи-господа, на коне. Есть одна область, самая сокровенная и чувствительная – интимная жизнь, где я впереди вас всех, – думал наш герой, с завистью следя за успехом многих своих знакомых. – Вот что такое настоящий успех, а не ваши должности, деньги и временная популярность!» Да-да, несмотря на множество атрибутов более чем удачливого человека, Алексей был исключительно завистлив. Конечно, зависть сама по себе – чувство, присутствующее в той или иной мере любому из нас. Во многом она

помогает нам стать более конкурентоспособными, требует совершенствоваться, заставляет работать. Но если зависть неконтролируема, она может привести ко многим жизненным проблемам, и финал окажется печален. Алексей глубоко переживал удачу вчерашних своих одноклассников и однокурсников, простых, ничем не примечательных ребят из обычных, преимущественно провинциальных семей. В молодости он не замечал их, смотрел свысока, с плохо скрываемым презрением. Сегодня многие из них стали докторами наук, ведущими специалистами, членами Академии медицинских наук, главврачами больниц и поликлиник, медицинскими чиновниками или успешными частнопрактикующими врачами, а он остался обычным кандидатом наук, профессором-консультантом пусть и в правительственном, но всего лишь оздоровительном учреждении. Любому профессионалу сразу становилось ясно, что медицинская практика Алексея не идет дальше первичных осмотров, не требующих больших знаний и врачебных навыков.

Разумом Алексей понимал, что жизнь ему улыбается, что он исключительно удачливый человек, для которого нет практически ничего невозможного, что работа ему не помеха и он может часто отсутствовать, поскольку другой врач в любой момент его заменит. Но тем не менее он глубоко переживал, что не входит не только в первую, но даже во вторую десятку самых успешных людей своего круга. Его не приглашают на светские рауты, о нем не пишут в газетах и не

показывают по телевидению. На экранах красуются другие – безвкусно одетые, нескладные, плохо подстриженные мужики с торчащими из носа волосами и красными прожилками на лицах, свидетельствующими о любви к алкоголю. «И этих людей считают светилами медицины? – возмутился Алексей. – До чего несправедливо устроена жизнь!»

Он, сын академика и первый красавец института, всегда одевался моднее и лучше всех, его прозвали Аленом Делоном, о нем мечтали самые красивые девушки. В те времена, когда он приглашал к себе домой однокурсников, ребята ходили по квартире Мальковых пораженные – думали, что попали в музей, во дворец! Алексею завидовали, старались с ним дружить, а сейчас... Сейчас он в забвении. А ведь ему уже скоро сорок, на висках появилась легкая седина. В конце концов до него дошло, что у него отсутствует особая, характерная для нового времени черта, специфический код поведения – смесь хамства и невежества, присущая обладающим властью и богатством людям. Алекса безумно раздражало, что большие деньги, власть и популярность могут так хлестко возбуждать женщин, и притом гораздо сильнее, чем холеная мужская красота а-ля денди, светский лоск и аристократичность манер. «Да, – с сожалением думал он, – новые времена создают новых героев. Но меня еще рано списывать со счетов!»

При случайных встречах на концертах или в модных ресторанах со старыми знакомыми, на которых раньше Алек-

сей смотрел свысока, он особенно остро ощущал, как изменились времена. Теперь уже бывшие друзья смотрели на него отстранение и без интереса, быстро обменивались несколькими ничего не значащими фразами и на прощание со словами «Ну, не исчезай, старина!» вручали визитки без указания мобильного телефона. И действительно, кому нужен безвестный консультант-профессор, не обладающий реальной властью или большими деньгами, будь он хоть трижды успешный, удачливый интеллигентный красавец? Ведь для них открыты лучшие клиники Германии, Швейцарии, Франции, Америки... Он не из их круга, общение с ним – пустая трата времени. Но Алекс замечал и другое: сопровождающие выскочек жены и подруги при встрече с ним напрягались, и в них тут же обострялось природное, бессознательное женское желание нравиться. С тайным или явным кокетством, а иногда и с плохо скрываемым вызовом смотрели они на импозантного доктора. И, раскланиваясь с их мужьями, Алекс мстительно улыбался про себя: «Ничего, подлец, наслаждайся своим успехом. Рано или поздно твоя жена будет стоять передо мной на коленях, хоть она и не в моем вкусе – такое же быдло, как и ты!»

Женщины, физического контакта с которыми Алексей добивался, делились на две группы. В первую входили те, чьи имена были широко известны в обществе: либо жены маститых деятелей политики, экономики или науки, либо женщины, которые сами достигли успеха в искусстве или бизне-

се. Внешняя красота и возраст (конечно, в разумных пределах) представительниц данной категории особого значения не имели – важен был факт хотя бы разового или краткосрочного обладания ими. Вторую группу составляли молодые, иногда совсем юные женщины из интеллигентной среды. Особенно Алекс любил провинциальных интеллигенток – студенток, молодых преподавательниц, аспиранток, – которых находил, размещая в Интернете или газетах объявления с предложениями отправиться в Европу вместе с солидным ученым, профессором в качестве ассистента или принять участие в какой-то благотворительной акции, фотоконкурсе и тому подобном мероприятии. Ему нравилось поражать воображение чистой, наивной провинциалки роскошью парижского бутика и атмосферой вседозволенности, царящей в вечернем варьете или мюзик-холле. Одеть девушку с ног до головы в новенькие модные тряпки и роскошное белье, чтобы раздеть ее вечером в гостинице – одна мысль об этом доставляла Алексу истинное эстетическое удовольствие. И как закономерный итог – спутница профессора, взбудораженная ночным посещением кабаре «Мулен Руж», «Крейзи Хоре» или кафе «Лидо», сопровождаемым несколькими бокалами шампанского или вина, добровольно и радостно падала в его объятия в гостиничном номере. В такие моменты Алекс чувствовал себя победителем, хозяином жизни, и страстно и нежно любил очередную подружку, вызывая бурный всплеск ответной реакции. Случались, впрочем, осеч-

ки – непомерные требования, жадность или хитрость девушки, но с подобным поведением Алекс сталкивался редко и тут же его пресекал. Был ли он сексуальным маньяком? Сумасшедшим? Извращенцем? Отнюдь нет. Он во всем отдавал себе отчет, прекрасно представляя ситуацию и ее последствия, был всегда любезен и терпелив, никогда не грубил даже поднадоевшим, плачущим и упорно преследующим его брошенным подругам.

Что же касается женщин из первой группы, то в данном случае Алекс выступал как своеобразный бунтарь – он стремился к социальному реваншу, мстил добившимся незаслуженного, по его мнению, успеха мужчинам, утверждая свое превосходство над ними в интимной сфере. Его особенно забавляло, когда тот или иной высокопоставленный чиновник, депутат или бизнесмен выступал по телевидению – в этот момент Алекс доставал соответствующий диск из своей видеотеки и просматривал на втором телевизоре свой сексуальный акт с его женой. Добавлю, впрочем, что, хотя Мальков практически всегда снимал скрытой камерой свои интимные встречи с женщинами, он никому не показывал эти записи, никогда никого не шантажировал и даже не думал когда-либо воспользоваться ими в корыстных целях. Свою видеотеку он держал для себя и только для себя, для собственного удовольствия – как произведение искусства, как дневник, повествующий о прошедших прекрасных днях. Правда, времени, чтобы просматривать сделанные записи, у него почти

не было, и Алекс с легкой душой откладывал их доскональное изучение на будущее.

Замечу еще, что в азартной игре, целью которой являлось расположение знаменитых дам, Мальков был исключительно изобретателен и бесстрашен. Если бы с ним рядом оказалась Ева Браун или Светлана Сталина-Аллилуева, дочь донна Корлеоне или любовница Аль Капоне, он, не задумываясь, начал бы страстно и упорно ухаживать за ними – полагаю, с мизерной вероятностью неудачи. Здесь ему приходила на помощь его профессия: он мог обратиться к женщине в обычном письме или через общих знакомых и предложить нехитрую комбинацию косметологических приемов, поясняя, что, по его мнению, именно такая методика подходит конкретно этой даме, однако для пущей уверенности желательна личная встреча и обследование у него. В виде исключения обследование будет бесплатным в знак огромного уважения не только к самой женщине, но – особо подчеркивал Алекс – и к ее супругу.

В большинстве случаев этот прием срабатывал. Алекс был неплохим психологом и тонким знатоком женской души. Как правило, жены и подруги знаменитостей чувствуют себя очень одинокими при вечно занятых мужчинах. Кроме того, зачастую в них сидит подсознательная обида и зависть к именитому супругу или любовнику, желание доказать, что и сами они обладают немалыми достоинствами, позволяющими им быть чем-то большим, нежели просто спутницами из-

вестных персон, и эти достоинства замечают и ценят заслуженные люди. В каждом случае Алекс легко находил верную ноту, чтобы расширить уже существующую в паре трещину, и завоевывал личное доверие к себе, превращаясь в своеобразного духовника исповедующейся души. После достижения цели он тут же охладевал к покоренной им женщине. Она его уже не интересовала, более того, не возбуждала, и он, неиссякаемый герой-любовник, опасался, что при дальнейших встречах мог потерпеть фиаско, элементарно опозориться, что для него стало бы невыносимым ударом. Повторюсь, что, по большому счету, наш герой не был злым человеком – вступая в сексуальный контакт с женщиной, он снова и снова доказывал лишь одно: свое превосходство над другими, свои особые генетические, физические и душевные качества.

Чем оценить успех мужчины? Богатством? Властью? Несомненно. Но если его возлюбленная, ради которой он готов развязать войну, организовать переворот, написать картину, поэму или симфонию, страстно и беззастенчиво отдастся другому – кто из этих двоих победитель? Не должны ли войти в историю имена любовников, которые соблазняли и покоряли жен великих людей?

* * *

С Алексеем Мальковым я познакомился случайно, и свою

историю он мне поведал сам во время наших неспешных бесед по воскресеньям, когда он приезжал навещать мать, оказавшуюся моей соседкой по даче. Выяснилось, что у нас много общих друзей и знакомых, кроме того, моя теща и мать Алексея принадлежат к медицинскому миру, и мы удивлялись тому, что, вращаясь в одной среде, они до сих пор ни разу не встретились. Зимой, обутые в теплые угли, мы подолгу ходили по заснеженным тропинкам наших дачных участков или сидели у камина, рассуждая о жизни. Будучи своеобразным коллекционером женских душ, Алексей не мог не рассказывать об этом. Любой коллекционер, прекрасно понимая, что подвергает себя определенной опасности, тем не менее частично или полностью раскрывает перед кем-то свою коллекцию – это просто необходимость. Я оказался тем человеком, которому Мальков постепенно начал доверять все больше и больше, рассказывая порой удивительные, насыщенные яркими переживаниями и глубоким драматизмом истории. Я не задавал вопросов, чтобы не показать мою заинтересованность и не вызвать этим его беспокойство. Из всех многочисленных рассказов я выделил для себя несколько эпизодов, поразивших меня своей необычностью.

Будучи заядлым путешественником, жаждущим все новых и новых впечатлений, Алексей значительное время года разъезжал по разным уголкам мира, не задерживаясь нигде больше недели, максимум десяти дней. После поездки он недели две проводил дома, чтобы повидаться с матерью,

а затем уже в сопровождении новых девушек отправлялся в очередной тур. Через туристическую компанию, которую возглавляла одна его бывшая подруга, он до мелочей уточнял маршрут поездки, заранее заказывая билеты на концерты, мюзиклы, в театры и музеи и бронируя места в хороших ресторанах, пользующихся большим успехом, иногда нанимал гида с микроавтобусом. Если потенциальные спутницы Алекса были не из Москвы, он приглашал их в столицу, в аэропорту их встречал водитель, после чего Мальков из нескольких приглашенных девушек выбирал двоих, ориентируясь не только на их красоту, но главным образом на культурный уровень, интеллект и живость характера. Не прошедших отбор кандидаток обнадеживал тем, что пригласит их снова в другое, более удобное для него время, предлагал два-три дня провести в Москве, снабжал небольшой, но достаточной, чтобы провинциалка чувствовала себя счастливой, суммой денег, а затем, купив обратный билет, отправлял домой. Двум же «фавориткам» Алекс заказывал билеты бизнес-класса, забирал у них паспорта, выдавал немного наличной валюты и – в путь! При этом он никогда не ставил себе задачи быстро и нахрапом брать девушек – наоборот, начинал тонко с ними флиртовать и, используя всевозможные приемы давления на психику, добивался того, чтобы они сами, добровольно инициировали сближение. Сперва его импозантный вид и отточенные манеры смущали спутниц, но проходил день-другой, и они включались в прово-

димую Алексом душевно-психологическую игру. Они всегда были благодарны за подарки и чудесное времяпрепровождение, задыхались от волнения и нахлынувших впечатлений и явственно ощущали привкус вседозволенности от того, что вся их компания – незнакомцы в чужом городе. Нет сомнения, что проведенные в подобной поездке дни помогали девушкам и молодым женщинам почувствовать себя желанными, давали толчок их дальнейшему культурному развитию и заставляли по-новому смотреть на мир, особенно на отношения полов. В разговорах со мной Алексей называл себя подвижником, человеком, выполняющим важную просветительскую миссию.

– А не думаете ли вы, Алексей Андреевич, что этим девушкам, как правило, живущим в совсем иных социально-бытовых и культурных условиях, потом будет очень некомфортно возвращаться к повседневным реалиям? – резонно спрашивал я.

– Безусловно, но пусть они борются за себя, за свое достоинство, за социальный успех. Что плохого в том, чтобы увидеть новое, чистое и красивое? Если у кого-то из них в душе заложена потребность совершенствоваться, то и поездка, и мои с ними отношения окажутся стимулом. А та, кому более по душе повседневность, быстро забудет обо всем и вернется к своей обычной жизни.

– А если девушка забеременеет? Или душевно сломается? Не беспокоит вас такая перспектива?

– Первое попросту невозможно, потому что я максимально предусмотрителен – не забывайте, что я гинеколог. Что же касается душевной ломки, о которой вы говорите, это практически нереально. Во-первых, девушка надеется быть приглашенной вторично. Замечу, что и такое бывает, хотя и в редчайших случаях. Во-вторых, время быстро лечит молодых энергичных особ, и если они вспоминают о нашем совместном путешествии, то с благодарностью отзываются о своем гуру. В этом я уже не раз убеждался из самых разных источников.

– И все же, Алексей Андреевич, какова ваша цель? Чего вы добиваетесь?

– Цель? Честно сказать, я не понимаю, когда вопрос ставится в такой плоскости. Когда я был ребенком, родители заставляли меня прилежно учиться и закончить школу с хорошим аттестатом. В институте у меня уже появилась цель – завершить учебу, занять в обществе соответствующее моему психокультурному складу положение. Сейчас я живу, как мне нравится, в тех пределах, которые позволяют мои материальные и временные возможности и существующие вокруг меня условия. Я понимаю, что завтра вряд ли будет лучше, чем сегодня, потому что мое сегодня, то есть настоящее, вполне меня устраивает. Я знаю, чего я хочу, а то, чего я хочу, вполне реально в отличие от призрачного завтра. Не исключено, кстати, что завтра состояние моего здоровья изменится, а обстоятельства заставят меня жить совсем ина-

че. Так устроена жизнь. Я не борюсь за более справедливое общество, так как совершенным оно никогда не будет. Где есть понятие справедливости, там есть и несправедливость, где есть удача, должна существовать и неудача. Мне приятно знакомство с новыми людьми, и я предпочитаю общение с женщинами. Совокупление с ними – обоюдный добровольный акт, зов, заложенный в нас природой в качестве основного инстинкта. Вы пишете, изучаете человеческую психологию. Я тоже ее изучаю, но свои ощущения не передаю бумаге, а храню в памяти.

– Но согласитесь, Алексей Андреевич, ведь во всем, что вы мне рассказали, есть какой-то аморальный контекст, нечто, нарушающее принципы человеческого общежития.

– А вы точно знаете, в чем критерий морали и аморальности? Задумайтесь над тем, что я сейчас скажу. То, что совершается принудительно, чего добиваются обманом, аморально, и наоборот. Но кто установил эти правила? Церковь, которая совершала и продолжает совершать множество преступлений перед человеческим разумом, в стенах которой совершались бесчисленные акты насилия над женщинами – как монашками, так и прихожанками, массовые случаи мужеложества и педофилии и многое другое. Все эти попы, особенно невежественная российская церковь, вечная обслуга власти, смешны и отвратительны, их проповеди рассчитаны на малограмотных, потерявших надежду людей. Бог у меня в душе. Я люблю людей, но не скрываю, что лучшая поло-

вина человеческого рода несравнимо ближе мне, и эту мою любовь я реализую в жизни.

– Но разве в итоге эти девушки не оказываются обманутыми?

– Ничуть. Ни одна из них не думала и даже не надеялась, что сможет иметь со мной постоянные отношения. И потом, если считать аморальными добровольные краткосрочные ласки между мужчиной и женщиной, получится, что отношения, растянутые во времени, в том числе и брак, будут по определению моральны. Выходит, что время является критерием морали и аморальности. Разве это логично?

– А как же обманутые мужья? Если измена обнаружится, это приведет к разрушению семьи, к человеческой трагедии.

– Конечно, и этого, безусловно, надо остерегаться. Но я считаю, что это естественный отбор – как в животном мире, так и в человеческом обществе всегда идет борьба за самку. Животные действуют грубо и напористо, люди же включают сотни других аргументов: интеллект, обстоятельства, обаяние, лесть, упорство, материальные средства, психология и, наконец, случай и удача. Я баловень, я везунчик, я сильнее многих. Так что пусть они наслаждаются властью, деньгами и популярностью, а я буду наслаждаться тем, что удачливее и сильнее их в этой главной области жизни, наслаждаться их женами, дочерьми и подругами, тем самым доказывая свое превосходство.

– Интересный вы человеческий экземпляр... Мне, по-ви-

димому, стоит опасаться вас? Вдруг вы и мою жену обольстите?

– Да, я горжусь тем, что я необыкновенный. А насчет вашей жены не беспокойтесь. Во-первых, она бабушка. Когда мы встретились взглядами, я не увидел в ее глазах искры – она смотрела на меня, как на вещь, дерево или облако. А во-вторых, вы не та социальная вершина, покорив которую, я получу удовольствие.

– Спасибо, что успокоили и утешили, Алексей Андреевич. Но не кажется ли вам, что вы ставите под сомнение весь институт брака и семьи, базовую ценность человеческой цивилизации?

– Нет, не кажется. В человеческой жизни все меняется: быт, культура, даже восприятие времени. За считанные часы вы можете оказаться в различных концах земного шара, можете, сидя дома, следить воочию за всеми мировыми событиями, можете войти в Интернет и заказать доставку чего угодно, можете вести из машины телефонные конференц-совещания и многое другое. Возможности человека расширяются, его жизнь становится интенсивнее. Если сравнить насыщенность, то сегодня человек живет десять – двадцать жизней человека XVIII–XX веков. Психика человека тоже изменяется, он осознает новые возможности, которые дает ему современная техника и медицина. Зачем стыдливо молчать о появлении «виагры» и подобных ей препаратов, давших возможность десяткам миллионов мужчин продлить

свое сексуальное долголетие, осчастливить себя и женщин? О других завоеваниях медицины в этом направлении я не говорю, но они поистине фантастичны. Как врач-гинеколог, я знаком с удивительными возможностями новых технологий...

Мой собеседник взял стакан с водой, выпил, задумчиво прошелся по комнате и продолжил:

– Возможностей и степеней свободы у человека стало значительно больше, и это не может не коснуться института брака и семьи. Разве не об этом говорит хотя бы тот факт, что в странах Запада более половины мужчин и женщин живут в гражданском браке, то есть более свободно трактуют свои права и обязанности? А разве разрешение однополых браков, предоставление права таким парам усыновлять детей не разрушает основы традиционного брака и семьи? Выбор стал шире, влияние общественных механизмов контроля и принуждения – меньше, и каждый человек сам выбирает, как ему строить свою интимную жизнь, исходя из множества факторов. Самая простая и естественная форма – классический брак и семья. Но не стоит критиковать и презирать тех, чей выбор отличается от общепринятого! Лично мне, например, однополые браки омерзительны, поскольку они противоестественны, но, к сожалению, природа создает и таких индивидуумов, и с этим фактом придется мириться.

– Не думаете ли вы, что все эти крайние проявления свободы выбора в основном, к великому сожалению, затрагива-

ют христианскую цивилизацию?

– Разумеется, вы знаете ответ, но хотите услышать мое мнение... К сожалению, да, потому что христианское общество является несравнимо более свободным и продвину-
тым по цивилизационным критериям, чем любое другое из ныне существующих. Свобода всегда подразумевает разнообразие и многовариантность обустройства общественной и личной жизни, а в итоге – демографический кризис и постоянное сокращение численности населения. Не хочу быть пессимистом, но, скажем, исламская цивилизация, намного более примитивная и менее гуманная, широко пользуется плодами технического прогресса христианской цивилизации, оставаясь при этом в быту и в брачно-семейных отношениях на средневековом уровне. Результатом такого положения вещей становится демографическая агрессия исламистов и постепенное сужение христианского мира. Что интересно, позиция мусульман рассчитана на гуманность и либеральность именно христианского общества, которое, в конце концов, будет кормить, лечить, образовывать и воспитывать этих людей уже у себя, за счет своих граждан. И вот парадокс: спасаясь от голодной смерти, обретая в новой стране незнакомое им ощущение человеческого и гражданского достоинства, эти люди не испытывают благодарности! Наоборот, они ненавидят своих спасителей и стараются расшатывать устои того общества, в котором они находятся и которое их приютило.

– Но ведь и сами вы имеете всего одного ребенка! Вашу дочку воспитывала бабушка, а сейчас она в Англии... Если вы так обеспокоены вопросом защиты христианских ценностей и цивилизации, почему не завели еще детей?

– К сожалению, должен констатировать, что я предпочел личную свободу семейной жизни, подразумевающей наличие нескольких детей. Бездушный эгоизм сегодня является бичом христианской цивилизации, и я прекрасно понимаю, что и сам принадлежу к зараженному вирусом гедонизма большинству. Увы, я предпочитаю наслаждаться, брать от жизни все, что возможно, и при этом не обременять себя обязанностями по уходу и воспитанию нескольких детей. Утешаю себя лишь тем, что так же думает значительное количество других представителей моей цивилизации. Впрочем, я сомневаюсь в том, что у меня только один ребенок, и на это у меня, возможно, есть веские причины. Однако предпочитаю не докапываться до истины – вдруг мои сомнения подтвердятся? Тогда не избежать больших волнений и переживаний, а они, честно говоря, мне не нужны.

– Вы не хотите выяснить, есть ли у вас еще ребенок? У меня это в голове не укладывается...

– Должно быть, вы думаете, что я свихнувшийся эгоист и моральный урод? Нет, уважаемый писатель. Если даже этот ребенок существует на самом деле, он находится в таких надежных руках, что мне незачем беспокоиться о его будущем. А мое появление только сделает его несчастным, а заодно и

тех достойных людей, которых этот ребенок считает своими родителями.

– Вы меня заинтриговали. Может, объясните, о чем идет речь?

– Видите ли, друг мой, я влюбляюсь с первого взгляда. Пусть на день, пусть на неделю, но так, что не только я, но и женщина начинает верить в искренность моих чувств. Но я так же быстро перегораю – от этого зачастую мне самому становится стыдно. На следующий день или через неделю я погружаюсь в поиски новой подруги. Время от времени – очень редко! – я возвращаюсь к старым любовницам, прошу у них прощения так искренне, что сам начинаю верить своим словам, и через несколько дней снова исчезаю. Я очень влюбчив и крайне непостоянен – вы уже знаете об этом. Я и не пытаюсь стать другим. Среди многих сотен встреч с женщинами в моей жизни были единичные случаи, когда я на самом деле прошел через серьезные испытания. Но я до сих пор не нашел ту, с которой захотел бы прожить более длинный отрезок времени... Сколько? Жизнь сама покажет.

В данный момент я снова прохожу такое испытание. Пока я не могу об этом обстоятельно говорить – я еще не разобрался до конца в своих чувствах и возможных последствиях. Должен сказать, что такие встречи в моей жизни можно пересчитать по пальцам. Я расскажу вам о них. Можете считать это своего рода исповедью – вдруг вы посоветуете мне что-то такое, что поможет прояснить ситуацию.

Дело в том, что несколько дней назад на мой электронный адрес пришло сообщение, которого я никак не ждал. Обычно я почти не даю шансов моим подругам найти меня по собственной инициативе – это позволяет мне избегать непредвиденных последствий самого разного плана. У меня несколько мобильных телефонов, зарегистрированных на неопределенного адресата, я никогда не называю незнакомкам ни своего адреса, ни фамилии, ни профессии. Как говорится, береженого бог бережет. Разумеется, это правило не распространяется на женщин моего круга, которые все обо мне знают, и тех, к мужьям которых у меня особые счеты. Однако эта дама знала, в какой гостинице я остановился, и, судя по всему, сумела найти мой адрес. А я-то думал, что она давно пропала из моей жизни! Нет-нет, она не предъявляла никаких претензий. Всего несколько слов: «Алекс, можешь меня найти по такому-то адресу», – и все.

Знаете ли, среди моих многочисленных подруг и партнерш были женщины самых разных национальностей, рас и культурных групп. И все они, несмотря на различное происхождение, были очень похожи друг на друга, всех их объединяли некоторые черты, присущие всему женскому полу. Мне попадались разные женщины – умные и не очень, честные и лукавые, доверчивые и хитрые, в общем, всякие. И все они чего-то хотели в обмен на физическую близость: моего душевного расположения, любви или материальной выгоды, в том числе и весьма существенной, как, например, кварти-

ра, машина, драгоценности или крупные суммы денег. Были и такие, которые ни на что не рассчитывали, а просто стремились получить удовольствие от физической близости. Но ни одна еще не ушла от меня без какого-либо подарка, значительного или незначительного. В противном случае в их лице я нажил бы очень серьезных недоброжелателей, если не сказать врагов. Не удивляйтесь, мой друг, женщины очень меркантильны. Подарки для них равносильны признанию в любви, они свидетельствуют о вашем расположении. Есть известный афоризм: «Щедрость покрывает все ваши недостатки, в том числе и непостоянство». И это чистая правда. Есть разница между ситуациями, когда вы бросаете женщину с подарком или без, притом разница огромная. Если вы исчезнете, не оставив на память ни ювелирного украшения, ни конверта с деньгами, ни хотя бы открытки с признанием в любви или чего-то в этом роде, женщина подумает, что вы ее просто обманули, использовали, забывая при этом, что сама добровольно пошла вам навстречу. И тогда, еще раз повторю, вы получите в ее лице недоброжелателя. Не случайно другая пословица говорит, что нет опаснее врагов, чем бывшие наши возлюбленные.

Замечу, что основная часть моих любовниц принадлежала к христианской цивилизации – более длительные связи и последующая дружба складывались у меня именно с ними. Общался я и со множеством женщин из мусульманской среды, особенно татарками, казашками, азербайджанками и

узбечками, но все они были не религиозны и представляли скорее европейскую культуру. Были женщины из северных стран и из южных, больше из южных. Чаще всего, естественно, я встречался с русскими, еврейками, поляками, татарками, грузинками и армянками. Все они сходятся в одном: каждая женщина подсознательно старается вам понравиться и по возможности покорить вас. Есть, конечно, и существенные различия, обусловленные генетикой и культурной средой. Как правило, южанки более мягкие и покорные, но более лукавые. Северянки резче, но проще и бесхитростней. Конечно, это не общий для всех шаблон, но все-таки преобладающие черты характера хорошо заметны. Я сейчас специально делаю акцент на ментальности и психологии и оставляю за кадром физиологические особенности, которые тоже имеются – поверьте мне как гинекологу с немалым стажем, я неплохо разбираюсь в этих тонкостях. Были среди моих подруг и такие, кто настолько мне импонировал, что при необходимости я мог пойти на более длительный контакт с ними, а в исключительных случаях, пожалуй, даже решиться на брак.

Об одном из исключительных случаев я и хотел бы вам рассказать. Он единственный в своем роде, и в нем задействованы самые глубинные пласты человеческой психологии. Пожалуй, мой рассказ станет более полным, когда я отвечу на интернет-сообщение Жасмин – так зовут эту женщину – и выясню, какая причина заставила ее обратиться ко

мне после четырех лет молчания.

Милосердие

Четыре года назад, в конце сентября, я проводил время в Париже, где, как известно, всегда происходит что-нибудь интересное. Я и моя жена Ирен, с которой мы поддерживаем дружеские отношения без каких-либо взаимных обязательств, решили несколько дней провести в столице Франции вместе с нашей дочерью Олесей. Из Санкт-Петербурга, где Ирен живет постоянно, она полетела за дочкой в Москву, а я затем встретил их обеих в Париже. Три дня мы вместе осматривали достопримечательности этого красивейшего на свете города – на большее меня, признаться, не хватило.

Потом жена с дочкой вернулись в Москву, оттуда Ирен улетела к себе домой, а я решил еще на несколько дней остаться в Париже, отдохнуть, встретиться со старыми друзьями, в разное время эмигрировавшими во Францию, и – на чем они особенно настаивали – вместе с ними отметить свой день рождения. Многие из моих парижских друзей неплохо там обосновались, обросли новыми знакомствами и привычками. Они решили пригласить меня в клубный ресторан-бутик, рассчитанный на малое число посетителей. Из-за ограниченного доступа столики там необходимо было резервировать заранее. Мои друзья обо всем позаботились заблаговременно, и в назначенный день, 26 сентября, в восемь часов вечера мы собрались в этом ресторане, расположенном

недалеко от моей гостиницы «Морис», что рядом с площадью Согласия в центре города. В компании оказалось пятеро мужчин и женщина: один из моих товарищей пришел с подругой-журналисткой, исключительно энергичной, но представляющей неприятный для меня типаж. В личной жизни остальных, как и в моей, царила неопределенность – кто-то в разводе, кто-то в процессе развода, кто-то в гражданском браке, кто-то, как и я сам, числится женатым, но живет один. В общем, «Клуб старых развратников», как мы сами в шутку называли себя. Двое из нас были врачами – в свое время они, как и я, учились в Первом московском мединституте с разницей в несколько лет.

Небольшой зал, со вкусом обставленный дорогой мебелью и украшенный картинами, поначалу был полупустым. Затем постепенно начали собираться посетители, как правило, завсегдатаи этого ресторана. Многие друг друга знали, шумно здоровались, обнимались, пожимали руки. Метрдотель, серьезный мужчина средних лет, судя по виду, из бывших чиновников или полицейских, знал всех в лицо, в том числе и моего товарища – Эмиля, человека без определенной национальности, который и пригласил сюда нашу компанию. В свое время я имел мимолетные отношения с его бывшей женой, а впоследствии сам познакомил с ним нескольких поднадоевших мне подруг. Путешествуя по миру, я часто встречаюсь с такими людьми, как Эмиль, – истинными космополитами, имеющими гражданство нескольких

государств, свободно говорящими на разных языках и слабо привязанными к какой-либо конкретной стране, городу или культуре. Как правило, они предпочитали устраиваться в многочисленные международные неправительственные или общественные организации и чувствовали себя там весьма неплохо. Париж – как раз один из тех городов, где существуют тысячи таких малопонятных организаций, комитетов, комиссий, благотворительных фондов, фондов по развитию и прочих заведений, деятельность которых всегда окутана туманом. Многие из моих зарубежных друзей имели в России бизнес или недвижимость – квартиры либо нежилые помещения, которые успешно сдавали, получая неплохой доход. Для кого-то эти деньги оставались единственным средством к существованию, по крайней мере до тех пор, пока не находился иной источник дохода. Должен заметить, что большинство наших эмигрантов продолжают и дальше получать дивиденды из России, и редко кому удается в первые несколько лет развернуть за рубежом успешный бизнес или просто нормально зарабатывать без помощи с покинутой ими родины.

Минут через десять-пятнадцать, когда официант начал принимать наш заказ, в зал вошли две молодые женщины в сопровождении темноволосого высокого мужчины с маленькими усиками, элегантно одетого, похожего на испанца или итальянца. Одной из них было лет тридцать, максимум тридцать два, другая выглядела на несколько лет старше. Обе

брюнетки, немного похожи на итальянок, а скорее на евреек. Особенно привлекала мое внимание та, что была моложе: чуть выше среднего роста, изящная, с высокой шеей, полной, слегка тяжеловатой грудью, большими выразительными черными глазами и белой матовой кожей.

В чертах лица обеих женщин просматривалось явное сходство, судя по всему, они приходились друг другу сестрами. Одежда их была модной, даже роскошной, но не кричащей, в ушах и на пальцах сверкали бриллианты. Одним словом, видно было, что эти женщины богаты. В ресторане они чувствовали себя абсолютно свободно и комфортно. По тому, как подходили к ним метрдотель и официанты, как они здоровались с другими гостями, я сделал вывод, что они часто здесь бывают. Однако я отдавал себе отчет, что мои шансы на знакомство и установление каких-то отношений с ними практически равны нулю – сестры были с сопровождением, кроме того, выглядели они крайне недоступными, особенно младшая, которая мне понравилась. Женщины держались с колоссальным внутренним достоинством. Видно было, что они из тех, которых приходится очень долго осаждать, а итог до конца остается неясен. Скорее всего, задача оказалась бы исключительно трудной, а я через день собирался уже улетать из Парижа. Поэтому я выбросил мысли о них из головы и погрузился в беседу с друзьями.

Скоро весь небольшой зал был в курсе, что наша компания отмечает день моего рождения, и люди, встречаясь со

мною взглядами, дружелюбно поднимали бокалы. Заметив, что мужчина и молодая женщина за соседним столиком тоже подняли бокалы, я кивнул им и чуть привстал в знак благодарности. Увлечшись разговором, я опять забыл о них. Случайно взглянув в ту сторону, я заметил, что женщины заинтересованно смотрят на меня и оживленно что-то обсуждают, но не придал этому никакого значения.

Через некоторое время наши соседи собрались уходить. Поднявшись из-за стола, они попрощались с нами кивком головы, я кивнул в ответ, машинально отметив, что молодая брюнетка отлично сложена: стройные длинные ноги, красивое пропорциональное тело, чуть полноватые плечи и таз, свидетельствующие, что первая молодость уже уходит. «Жаль, больше я не встречу с этой красавицей. Впрочем, она не из тех, с кем я обычно провожу время. Чтобы увлечь ее, надо потрудиться, и серьезно. Стоит ли игра свеч? Она слишком домашняя, слишком замкнутая в себе, слишком обеспеченная. Да к тому же живет в другой стране и еще неизвестно, на каком языке говорит. Нереальный вариант», – сказал я себе и закрыл этот вопрос.

Перед выходом метрдотель незаметно вручил мне маленький желтый конверт и тихо произнес: «От ваших новых друзей, monsieur. Пожалуйста, прочтите обязательно». «Должно быть, приглашают еще раз посетить ресторан», – решил я и, поблагодарив, положил конверт в карман. Вернувшись в номер, я включил телевизор и уже собирался лечь спать, как

вдруг вспомнил о конверте. «Да ничего особенного, скорее всего, просто визитка ресторана с приглашением приходить к ним еще, – лениво подумал я. – Нет, тут что-то другое. Зачем прятать визитку в конверт? Почему метрдотель вручил его только мне, да еще с просьбой обязательно прочитать?»

Встал, достал конверт. Внутри оказался сложенный пополам лист бумаги со словами: «Monsieur Алекс, вы можете найти меня по такому-то телефону завтра, желательно с 11 до 13. Жасмин». Неужели в этом бутиковом ресторане практикуется такая форма завлечения обеспеченных клиентов? Быть не может. Женщина носила туфли из змеиной кожи и драгоценные украшения, на запястье – часы «Картье», усыпанные бриллиантами. Я видел такие часы на витринах и имел представление об их стоимости. И кроме того, я умею разбираться в людях. Эта женщина абсолютно не была похожа на искательницу легких романов. Нет, исключено. Но и эта женщина, и ее сестра, и мужчина так заинтересованно на меня смотрели, о чем-то переговариваясь между собой... Да ну их! Париж – город мира, люди из всех уголков земли приезжают сюда в поисках приключений самого разного плана. Кого здесь только нет! И что это мне в голову взбрело? Мало ли у меня своих дел и проблем? Не позвоню.

Нет, невозможно не позвонить. Иначе потом буду мучиться месяц или два – почему написали именно мне, чего хотела эта женщина... «Решу утром», – подумал я и лег спать. Но, засыпая, уже знал, что не смогу пройти мимо такого приклю-

чения, не желаю потом месяцами сожалеть и переживать из-за своей нерешительности. Конечно, позвоню! Надо же выяснить, в чем там дело, в конце концов. И кстати, почему она так уверена, что я позвоню? Мало ли в Париже красивых и обеспеченных женщин! А если Жасмин – та, которая старше? Ну и что? Извинюсь, скажу, что занят, и все. Впрочем, она тоже довольно интересная, можно и ею заняться. Хотя младшая, несомненно, более привлекательна. В особенности мне импонировали ее чуть застенчивая полуулыбка и смущенный взгляд красивых темных глаз.

Утром я сходил позавтракать, попрощался кое с кем из друзей по телефону, гулял вокруг гостиницы. Черт, как медленно тянется время! Еще нет и десяти. А собственно... позвоню прямо сейчас. Что тянуть? Поступлю, как мне удобно.

– Алло! Это Алекс. С кем я говорю? – начал я по-английски, поскольку мой французский оставлял желать лучшего.

На неплохом, не хуже моего, английском, хотя и с сильным французским акцентом, женский голос с явным волнением ответил, что это Жасмин.

– Простите, Жасмин, вчера за столиком было две женщины. Вы – которая из них?

– Я была в декольтированном черном платье, – да, это была она, младшая.

– Чем я могу быть вам полезен, Жасмин?

После небольшой паузы она с трудом, прерывающимся голосом ответила, путая французские и английские слова:

– Можем ли мы сегодня встретиться в удобное для вас время?

– Конечно. Вы успеете через час подъехать в отель «Морис»? Я буду ждать вас в холле, в кафе.

– Я предпочла бы через два часа.

– Договорились. Жду вас, Жасмин.

* * *

Я с трудом выдержал двухчасовое безделье. Ходил вокруг отеля, строя различные догадки о том, что это может быть. Неужели я произвел на молодую, явно добропорядочную замужнюю женщину такое впечатление, что она сама нашла способ со мной связаться? Хотелось бы, чтобы это было именно так, но как-то не вяжется с логикой, да и в прошлой моей немалой практике ничего подобного не случилось.

За несколько минут до назначенного времени, возвращаясь в гостиницу, я еще издали увидел выходящую из машины Жасмин. Вслед за ней вышла сестра и передала ключи подбежавшему консьержу, чтобы тот поставил автомобиль на парковку. Женщины вошли в холл, я последовал за ними. В кафе Жасмин сидела одна, сестры рядом не было. Она заметила меня сразу, резко поднялась с места, опять села, не отрывая от меня смущенного взгляда. Я подошел, дружелюбно поздоровался, вручил небольшой букет экзотических цветов и сел рядом. Жасмин старалась вести себя естествен-

но, даже попыталась улыбнуться, но ей это плохо удавалось.

Почувствовав ее неловкость, я сам начал разговор и еще раз, уже вблизи, внимательно осмотрел ее. Привлекательная молодая женщина, явно из обеспеченной семьи, не испытывающая необходимости самостоятельно зарабатывать себе на хлеб. Именно подчеркнутая домашность и порядочность делали ее особенно привлекательной и желанной. Одетая ярко, со вкусом. Вместо ювелирных украшений – дорогая бижутерия. Интересно, кто она? Скорее все-таки еврейка, хотя и среди французов много брюнетов... Нет, не француженка. Что-то в ней есть восточное... А может, итальянка или испанка? Они тоже бывают белокожими, пусть и редко. Но они, как правило, более жилистые, сухие и резкие в движениях... Впрочем, это сейчас не самое важное.

– Что вам заказать, Жасмин? Вино, шампанское? Может быть, завтрак?

– Нет, благодарю. Я позавтракала. Апельсиновый сок, пожалуйста.

Я заказал ей апельсиновый сок, а себе минеральную воду. Кофе перед вероятным свиданием с женщиной я не пил. Во-первых, может появиться неприятный запах изо рта, а во-вторых, если дело дойдет до физической близости, понадобится быть в хорошей форме, чтобы выдержать интенсивную и длительную нагрузку.

– У вас чудесные украшения, Жасмин. Чем вы занимаетесь?

– Благодарю. Я по образованию дизайнер, но сейчас не работаю.

– А когда-либо работали?

– Нет.

– На какие же средства вы живете?

– Есть родители, – небольшая пауза, – и муж.

– Он знает, где вы сейчас?

– Нет.

– А кто знает, что вы здесь?

– Вы видели мою сестру? У меня нет от нее секретов.

– А вы хотели бы, чтобы у вас был какой-то секрет, связанный со мной?

– Не знаю...

– Как же вы решились встретиться с незнакомым человеком, более того, прийти к нему в гостиницу на свидание? Вдруг я насильник, бандит?

Впервые за весь наш разговор она улыбнулась:

– Нет, вы врач.

– Откуда вы знаете?

– Ну, – она засмеялась, – из вашего разговора с друзьями.

– Жасмин, мы говорили по-русски. Разве вы или кто-либо из ваших спутников знает русский?

– Нет... Я вспомнила! Метрдотель сказал, что Эмиль с компанией отмечают день рождения своего друга доктора.

– Вы знаете Эмиля?

– Он часто бывает в этом ресторане. Эмиль как-то гово-

рил, что у его друга из России, гинеколога, известного ученого, скоро день рождения.

– Ну, – улыбнулся я, – все не совсем так, но что я гинеколог с немалой практикой и немного ученый, это факт.

– Я бы очень хотела, чтобы вы меня проконсультировали.

– Жасмин, вы меня удивляете. В Париже такие специалисты, такие клиники, новейшая техника! Москве далеко до этого уровня. А вы хотите, чтобы я вас проконсультировал?!

– Вы не хотите? Я вам хорошо заплачу.

Черт, никак не пойму, в чем дело. Что нужно этой милой женщине, которая с каждой минутой становится мне все более симпатична? Жасмин подняла глаза и, увидев мой недоуменный вид, улыбнулась, но как-то жалко, просительно.

– Жасмин, вы же понимаете, что у меня здесь нет ни специализированного кабинета, ни инструментов...

– Ничего страшного.

М-да, ситуация уже становится комичной. Роли поменялись: я ломаюсь, играю дурачка-простачка... На меня это не похоже.

– А где ваша сестра?

– Ходит по магазинам. Подойдет, когда я позвоню.

– Вы ограничены во времени?

– Нет, останусь на столько, сколько необходимо.

– Скажите, Жасмин, что у вас за проблемы?

После минутного молчания она, страшно волнуясь, с трудом выговорила:

– Может, поднимемся к вам, доктор?

Нет, это уже чистое издевательство! С другой стороны, чего мне опасаться? Провокации? Глупо. Какая может быть провокация по отношению ко мне, человеку свободной профессии? И кому я нужен? Я что – политический деятель, депутат, кому-то перешел дорогу? Смешно!

– Хорошо, пойдемте.

Я написал на счете номер моей комнаты, положил несколько монет чаевых, и мы с Жасмин направились к лифту. Женщина выглядела очень сосредоточенной и сконфуженной, смотрела в сторону, лишь изредка бросая на меня короткие взгляды. Вошли в номер. Я скинул плащ, пиджак. Жасмин в нерешительности остановилась посередине комнаты. Мне уже не хотелось продолжать прежнюю игру.

– Вам понадобится душ?

– Нет. Приняла час назад.

Я опустил шторы, и комнату заполнил интимный полумрак. Подойдя к Жасмин, я попробовал расстегнуть ее платье.

– Я сама.

Она спокойно, но порывисто разделась. В полутьме видно было только ее белое красивое тело, полные колышущиеся груди. Увидев, что я потянулся за презервативами, она оставила меня:

– Не надо предохраняться, доктор. Я не беременею.

– Вы уверены?

– Да, абсолютно.

Сперва она держалась отчужденно, отвернувшись в сторону и не отвечая на мои ласки. Но уже через несколько минут ее полные руки обхватили мою шею и наши губы слились. Податливое мягкое тело Жасмин, чудесный аромат молодой здоровой кожи и страстное желание отдаваться полностью, без остатка, сводили меня с ума. Я работал с таким ожесточением, как будто мне снова было двадцать и я три месяца не видел женщины.

Прошло около двух часов. Внезапно в сумочке Жасмин зазвенел мобильный телефон, а спустя несколько минут – телефон в номере. Должно быть, сестра беспокоилась за мою гостью.

– Ответьте, Жасмин. Кажется, сестра вас ищет.

Она встала, нашла в темноте свою сумочку и ответила на каком-то странном языке, напоминающем арабский. Я не понял ни слова – думаю, на это она и рассчитывала.

– Вы владеете арабским, Жасмин?

– Это не арабский, это коптский. Я коптка¹.

---

¹ Копты – египетские христиане. Составляют приблизительно 10 % населения Египта, около восьми миллионов человек. Большинство принадлежат к коптской православной церкви, меньшая часть, насчитывающая несколько сотен тысяч, – к коптской католической церкви. Копты с момента рождения христианства последовательно придерживаются своей веры. Внешне они отличаются от арабов: кожа у большинства коптов более светлая, черты лица более утонченные. В быту и в повседневной жизни копты близки к европейским христианам, женщины у них более свободны, чем обычно принято на Востоке, ходят без головного покрывала. Значительное количество французских арабов – это копты, переселив-

– Вы меня удивляете все больше и больше...

– Я сама себе удивляюсь. Еще несколько часов назад я и представить себе не могла, что у меня будет еще какой-то мужчина кроме мужа.

– Понимаю. Все новые мужчины для женщин оказываются только вторыми, и это число никогда не растет.

– Что ж, доктор, вы имеете право так думать после того, что сегодня произошло. Но у меня нет надобности лгать вам.

– Жасмин, может быть, закажем в номер какие-нибудь легкие закуски, а потом я продолжу вас консультировать?

Она тихо засмеялась и ответила:

– Доктор, еще несколько часов назад вы были для меня чужим. Сейчас мне кажется, что я знаю вас очень давно. Боже, прости меня! Как мне хорошо с вами!

Часа через полтора ко мне снова вернулся дар речи.

– Жасмин, может, вы объясните мне, что все это значит?

И вы ведь только наполовину коптка?

– Мой отец из довольно известной коптской семьи. Учился в Париже, женился на француженке. Они с мамой очень дружны. Папа – человек абсолютно европейской культуры и не воспротивился, когда мама крестила нас по католическому обряду (вы знаете, что копты в основном православные) – сперва мою сестру Амелин, а потом меня. Восемь лет назад, когда мне было двадцать два года, я вышла замуж за сына

шихся из Египта во Францию. Они хорошие бизнесмены и хорошо встроились во французское общество.

двоюродного брата отца, вы его видели в ресторане. Он тоже учился в Париже, инженер по специальности, работает в крупной фирме старшим менеджером, одновременно является акционером этой фирмы.

– И все же, почему ты пришла ко мне? – я окончательно перешел на «ты».

– Ты мне понравился.

– Неубедительно.

– Почему? Разве такое не может случиться?

– Просто так встала и пришла ко мне в гостиницу, и я оказался вторым мужчиной в твоей жизни?

– Это правда.

– Допустим. Что дальше?

– Мне было исключительно приятно с тобой познакомиться, – Жасмин плавно поднялась с постели и начала одеваться. – Вернее говоря, близко познакомиться. Я всегда буду помнить тебя, Алекс. Спасибо.

– Жасмин, все очень странно. Ты что-то недоговариваешь. Да, кстати, у тебя есть дети?

– Нет, доктор. Бог даст, будут. До свидания.

– Когда мы снова встретимся? Через несколько месяцев я опять буду в Париже. А хочешь, верну авиабилет и останусь здесь еще на несколько дней?

– Спасибо, Алекс, я очень тебе признательна за такое хорошее отношение. Но нам нельзя больше видеться. Более того, в тот ресторан, где мы впервые встретились, я больше ни-

когда не приду.

– Давай встретимся завтра в последний раз! Я хочу оставить тебе подарок на память.

Жасмин с улыбкой посмотрела на меня и покачала головой:

– Не надо, Алекс. И не ищи меня больше. Я тебе очень благодарна.

С этими словами она ушла. Я пролежал в недоумении еще несколько минут, пытаюсь найти объяснение случившемуся. Затем поднялся. Было уже шесть вечера. «Как незаметно пролетело больше пяти часов!» – удивился я и первым делом набрал номер телефона Эмиля.

– Здравствуй, дружище! Я завтра улетаю. Спасибо, что ты посоветовал ребятам этот ресторан. Чудесное место! Да, кстати, через стол от нас сидели мужчина и две женщины. Ты их знаешь? Можешь рассказать мне о них?

– Ах, вот оно что! – ухмыльнулся Эмиль. – А я было удивился, что ты не обратил внимания на таких красоток. Ну что сказать – порядочные богатые люди, копты. Старшая сестра свободна, разведена, младшая – жена очень известного бизнесмена по имени Жорж. Как ты знаешь, копты здесь носят французские имена. О ней даже не думай, невозможный вариант.

– Они обо мне что-то знали?

– Почти ничего. Я как-то в шутку спросил, почему Амелин – так зовут старшую сестру – не выходит замуж. Она за-

смеялась и ответила: «Не получается встретить подходящего человека. Если можете, найдите для меня в Москве». Ну, я ей и ответил, что на днях прилетает мой друг – красавец, врач, почти холостой. Вот и все.

– Ты можешь их отыскать? Я хочу встретиться с Амелин.

– Алекс, не шути. Это серьезные люди. Хотя... если ты так хочешь, тут нет ничего сложного. Зайдешь на днях в ресторан, возможно, они будут там, а нет – наведешь справки.

– Я завтра улетаю... Может, сегодня? Вряд ли, конечно, они два дня подряд пойдут в один в тот же ресторан... И все же, давай попробуем?

– Я сегодня немного занят... но ничего. Поужинаем вместе.

С восьми до десяти вечера мы ждали наших вчерашних соседей. В конце концов по моей просьбе Эмиль попробовал узнать у метрдотеля что-нибудь об этих людях – хотя бы номер телефона. Удивленный метрдотель ответил, что любая информация о членах клуба может быть передана только с их согласия, а кроме того, никакой информации именно об этих клиентах у него нет. Они бывают в ресторане пару раз в месяц, поэтому, если они снова здесь появятся, он обязательно сообщит им, что мы хотели встретиться с Амелин.

– Странный ты человек, Алекс, – сказал мне на прощание Эмиль. – Вчера весь вечер просидел, не обращая внимания на эту женщину, а сейчас чуть ли не в розыск ее объявил.

– Эмиль, очень прошу, если она появится, скажи, что я

очень хочу ее видеть, и дай мой номер мобильного. Не забудешь?

– Ты и впрямь чокнутый, Алекс.

Я прождал весь вечер и следующий день до обеда. Жасмин так и не позвонила.

* * *

– Вот так, дорогой мой писатель. Я уже говорил вам, что я очень влюбчивый. И в тот раз, как ни смешно, я влюбился, как первокурсник! Несколько месяцев подряд я вздрагивал от каждого телефонного звонка, надеясь, что это Жасмин. Разумеется, со временем я забыл о ней, и вот по прошествии четырех лет вдруг получаю сообщение по электронной почте. Что бы это значило? Не скрою, я очень удивлен. Скажите, как, по-вашему, я должен поступить? И что такого могло случиться, что она вспомнила обо мне через столько лет?

– Сперва скажу банальность: душа человека – сложная материя, все ее импульсы разгадать невозможно. Ясно одно: если вы не ответите на письмо, то эта неразгаданная тайна будет мучить вас еще долго. Ответьте. Это честно и по-мужски. К тому же это вас ни к чему не обязывает.

– Согласен с вами.

Прошел месяц. Алекс не давал о себе знать. Я дважды звонил его маме, чтобы узнать, в Москве ли он, даже попросил тещу навести о нем справки. Ответ каждый раз был один и тот же: он где-то за рубежом, прилетел домой на два дня и затем опять улетел куда-то. Я уже начал забывать рассказанную Алексом загадочную историю, как вдруг он появился. Мне не терпелось узнать, встретился ли он с Жасмин и какова была причина ее внезапного появления.

– Почему так долго вас не было, Алексей? Это связано с появлением Жасмин?

– Да. Случай, конечно, экстраординарный, но, если подумать, вполне логичный. Как вы считаете, почему она мне написала? – внезапно спросил Алекс.

– У меня есть, конечно, несколько ответов на ваш вопрос. Но для начала я хотел бы знать, встретились ли вы с Жасмин.

– Тем не менее, дорогой друг, я хотел бы проверить вашу писательскую интуицию. Всего один ответ! А я посмотрю, в правильном ли русле вы строите ваши гипотезы.

– У нее от вас ребенок?

– Молодец! Вы правильно угадали. А вторую часть истории я вам сейчас расскажу.

Через день после нашего разговора я позвонил в Париж и, услышав спокойный голос Жасмин, сообщил, что завтра днем буду в той же гостинице, где мы с ней встречались, и оттуда позвоню ей. Она пришла одна – такая же прелестная, чистая, ухоженная, спокойная. Уже не дергалась, держалась с подчеркнутым достоинством, не смущалась, как раньше, не пыталась избежать моего взгляда, напротив, смотрела мне прямо в глаза и спокойно улыбалась. Выглядела она абсолютно уверенной и умиротворенной. Внешность ее, конечно, претерпела некоторые изменения. Четыре года – немалый срок в жизни женщины, как, впрочем, и любого человека, просто каждый видит изменения в другом, а в себе не замечает.

– Что случилось, Жасмин? Почему ты так внезапно исчезла, не оставив никаких шансов тебя найти, и так же неожиданно появилась? Признаюсь честно, я много думал о тебе. Со временем, конечно, воспоминания притупились, жизнь берет свое. Но я очень рад нашей встрече, хотя и удивлен.

– Давай поднимемся к тебе в номер и поговорим там, – предложила она, как и в прошлый раз. – Мне сообщили, что ты и твой друг пытались найти мою сестру, но мы-то понимаем, что вам нужна была я. Итак... я родила от тебя мальчика, Алекс. Несколько месяцев назад ему исполнилось три

года.

Я не сразу смог ответить.

– Что ж... в глубине души я чувствовал, что нечто подобное может произойти, но мои подозрения остались без ответа.

– Ну вот, теперь ты знаешь правду. У нас с тобой общий ребенок. Не беспокойся, ни моральных, ни материальных требований к тебе у меня нет и быть не может. Ты ни в чем не виноват, напротив, я благодарна тебе за то, что ты подарил мне здорового красивого сына. Я ждала этого восемь лет, переживала страшно, мучилась, плакала по ночам... Страдала вся моя семья, особенно папа. А сейчас я счастлива.

– Незавидную, однако, вы предоставили мне роль – жеребца-производителя... Тебе не кажется, что ты и твоя сестра – догадываюсь, что она в курсе всей истории, – обвели меня вокруг пальца?

– Может, и так, Алекс. Но все эти слова – пустой звук. Моральные принципы, переживания – безусловно, они имеют место, но ничего не стоят по сравнению с чудом рождения новой жизни, маленького человека, вокруг которого сегодня для меня вращается вселенная. Мы с тобой сделали богоугодное дело, Алекс, спасибо тебе. У моего отца нет детей, кроме меня и сестры. Она в разводе, выйдет ли снова замуж – неизвестно. К тому же ей уже тридцать четыре. А мы с мужем не могли иметь детей. Проблема оказалась в нем, хотя в остальном он вполне нормальный мужчина. Куда толь-

ко мы ни обращались! В конце концов уже решились пойти на искусственное оплодотворение. Если бы ты знал, Алекс, как это было мучительно! Душа не лежала рожать от человека, которого я никогда не видела, – ведь фотография ничего мне не скажет. Формально он может быть здоров, но что на самом деле? Какой у него характер, какая психика – а это особенно важно! – какие скрытые генетические недостатки? Неизвестно! Первая попытка оплодотворить меня в клинике закончилась неудачей. Все эти колбы, медицинские препараты, невыносимое унижение, которые ты чувствуешь, находясь там... Одна лишь мысль о том, что у мужа не все в порядке, охладила наши взаимоотношения. Мы уже не могли получать друг от друга удовольствие в постели, не любили друг друга, но никак не могли найти выхода из ситуации.

И вдруг Эмиль случайно рассказывает нам о своем друге, красавце докторе из Москвы, добавив, что он – гуляка и у него есть прелестная дочь. Мы сразу заинтересовались и еще до твоего приезда нашли в Интернете сведения о тебе, даже фотографию твоей дочери. После этого решение созрело само собой. В ресторане мы с мужем начали рассматривать тебя и гадать, подойдешь ли ты на роль жениха Амелин. Но мы с сестрой затеяли другую игру. Ты сразу мне понравился, я уже представляла, каким будет наш ребенок, и, к слову, не обманулась. Вслух я возражала, говорила, что ты похож на слащавого жиголо и что я не хотела бы такого друга для сестры. Жорж и Амелин в один голос убеждали меня, что ты

уже в солидном возрасте и наверняка захочешь обосноваться в Париже. Для этого у нас есть все условия. Мужчина ты импозантный, высокий, стройный, выглядишь здоровым, и вполне можешь стать Амелин хорошим мужем.

– Что дальше, Жасмин?

– Алекс, я очень соскучилась по тебе. Конечно, ты можешь отказать мне в близости, я не обижусь. Но настоящую радость от интимных отношений с мужчиной я узнала именно с тобой.

Она была прелестна, уступчива и ненасытна, как и в первый раз. Через два часа, когда мы, приняв душ, сидели друг напротив друга в гостиничных халатах и перекусывали доставленной из ресторана едой, я не мог отделаться от впечатления, что наша предыдущая встреча была всего несколько дней назад.

– Жасмин, тебе не кажется, что мы расстались только вчера?

– Я хотела сказать то же самое, милый, но ты меня опередил.

– Ты не торопишься домой? Муж не спросит, где ты была? Скоро семь...

– С мужем мы недавно разошлись. Он узнал обо всем... Мучился, страдал, и я вместе с ним. Так что мы решили какое-то время пожить врозь, проверить наши чувства.

– А как получилось, что он узнал правду?

– После встречи с тобой в наших сексуальных отношениях

с мужем произошел кризис. Мне стало отвратительно любое сближение с ним. Через несколько месяцев у меня уже появились явные признаки беременности. Мужу я сказала, что меня оплодотворили в клинике от какого-то скандинавского донора. Потом родился мальчик. Уже в три года он настолько был похож на тебя, что у мужа возникли подозрения, и однажды вечером в присутствии моей сестры и родителей он сказал об этом вслух. «Не кажется ли тебе, Амелин, что наш мальчик похож на того доктора, которого мы несколько лет назад видели в ресторане и хотели познакомить с тобой?» – спросил он. Родители были не в курсе, о ком идет речь, но мы с сестрой опешили. Конечно, мы тут же рассмеялись и попытались развеять его сомнения. «И по времени совпадает, – продолжал рассуждать муж. – Сердцем чувствую, что я прав».

Я попыталась сделать вид, что оскорблена. Тогда муж потребовал у меня адрес клиники, где мне якобы сделали искусственное оплодотворение. После этого мне пришлось при всех рассказать ему правду. Я поклялась, что мы с тобой встречались лишь один раз и после этого даже не разговаривали. «Но, Жасмин, – настаивал муж, – ведь после этой встречи ты перестала любить меня как мужчину. Я это чувствую! И не пытайся возражать». В этот момент в комнату с шумом вбежал мальчик в ночной пижаме, а за ним – няня. Малыш запрыгнул на колени Жоржа и стал просить, чтобы тот не разрешал няне вести его спать. Обычно отец прощал

ему люблю шалость, а мы критиковали его за это. Сейчас же он задумчиво погладил мальчика по головке, поцеловал, спустил на пол, встал и, не попрощавшись, ушел. Амелин побежала за ним. Она боялась, что он попытается покончить жизнь самоубийством или как-то еще навредит себе. Это была жуткая картина, Алекс. Я так рыдала! Думала, что сердце остановится. Мне было очень стыдно перед мужем. Но все равно – никакие страдания не сравнятся с огромным, всепоглощающим счастьем от того, что у меня есть ребенок. Одна мысль о нем наполняет меня радостью, он мне дороже всего. Я повторю – ничто не сравнится с этим счастьем.

– Могу я его увидеть?

– Нет, Алекс. Нет смысла. Ты можешь привязаться к нему – ведь существует же зов крови, отцовский инстинкт. Но ты – свободный человек и ведешь свободный образ жизни. Не стоит обременять себя ненужными чувствами. Знаешь, Алекс, мы с тобой абсолютно разные люди, и если мы будем вместе, уже через пару дней нам не о чем будет друг с другом говорить. Душевно и ментально мы очень разные. Разная среда, разные нравы, привычки... Алекс, тебе придется с этим согласиться. У нас нет ничего общего, кроме ослепительной физической тяги друг к другу. Я люблю своего мужа, он добрый и хороший человек. Надеюсь, что в конце концов он поймет и простит меня.

– Тогда зачем ты искала меня и устроила нашу сегодняшнюю встречу? Это не усугубляет твою вину?

– Отнюдь. Было бы большим грехом, если бы я скрыла от тебя рождение сына. Придет время, когда он соберется завести собственных детей, и тогда я буду обязана сказать ему, кто его биологический отец. Это меня не пугает – я выполнила свой долг и перед тобой, и перед богом. Пусть потом мой сын полюбит и тебя. Но мужчину, который его воспитывал, видел его первые шаги, показал ему первые буквы и всю жизнь окружал своей любовью и вниманием, он будет любить, конечно, больше – как настоящего отца.

– Прости, дорогая Жасмин, я должен прервать твою исповедь, а то начинаю чувствовать себя виноватым – перед богом, как ты говоришь, и человечеством. Но ведь на самом деле я совершил акт милосердия, осчастливил страстно желающую иметь ребенка женщину и ее семью. Я бесплатно доставил тебе удовольствие, освободив от сношения с холодными и бездушными медицинскими приборами. Не говорю уже о том, что тебе не пришлось мучительно выбирать донора-отца по картотеке, бесконечно сомневаясь в его психическом состоянии. Согласись, моя милая подруга, нормальный, успешный мужчина никогда не пойдет сдавать за смешные деньги свое семя. В глубине души любой должен чувствовать унижение от того, что он, нищий, продает то, что дал ему бог – сперму, кровь, почки, – так как не способен заработать себе на хлеб мозгами и руками. Ты согласна?

– Согласна, и уже сказала, что благодарна тебе. Но, Алекс, разве тебе безразлично то, что я, любя моего сына и, дай бог,

еще и второго ребенка, люблю в них и тебя и всегда вспоминаю о тебе? Мой муж это хорошо понимает и до сих пор не может с этим смириться.

– Кажется, я что-то упускаю... О чем ты говоришь?

– Дорогой, разве ты не хочешь, чтобы у твоего ребенка был брат или сестра? Разве можешь ты лишиться такого счастья моего сына – нашего сына? Это просто жестоко. Поэтому я сегодня здесь. Спасибо, что ты вторично сделал меня матерью – по крайней мере, я на это очень надеюсь.

– Жасмин, ты удивляешь меня все больше и больше!

– Подумай сам, разве тебе не импонирует мысль, что твоя кровь, частичка тебя, будет жить в других человеческих существах? Это же великая награда, Алекс!

– Не думал об этом... хотя не возражаю – должно быть, все именно так.

– Наверное, ты гадаешь, чувствую ли я моральную ответственность перед мужем?

– Возможно.

– Что ж, у меня и в этом смысле есть оправдание. Если природа и бог наказали Жоржа, это еще не означает, что должна быть наказана и я, и более того – моя семья. Ему придется смириться с этой мыслью. По большому счету ему тоже следует быть благодарным тебе за то, что ты дал мне возможность быть счастливой, почувствовать себя матерью и исполнить главную женскую миссию, заложенную во мне природой. В итоге ты осчастливил и его, и со временем он

это обязательно поймет. Естественный отбор – закон природы, а все мы – ее дети.

– Никогда не подозревал в тебе способности к такому глубокому анализу, Жасмин.

– Вот и еще одна причина для того, чтобы года через два после рождения второго ребенка (очень надеюсь, Алекс, что все будет именно так) мы с тобой встретились еще раз.

– Жасмин... я, конечно, ценю твои чувства, но мне от этого не легче. У меня есть сын, но он мне совсем чужой, я даже не могу его видеть!

– Милый мой, я горжусь, что именно такой человек – свободный, добрый, отзывчивый, хотя и непостоянный, – оказался отцом моих детей. Ведь если бы ты и тысячи похожих на тебя мужчин были высокоморальными мужьями, верными своим женам, что тогда? Тысячи, миллионы таких женщин, как я, остались бы без детей, без радости! Хорошо, что бог создает и таких мужчин, как ты, Алекс. Это твоя судьба, будь доволен ею. Принадлежа только одной женщине, ты лишил бы счастья других.

* * *

Закончив рассказ, Алексей помолчал, затем пристально взглянул на меня и спросил:

– Ну, как вам история, дорогой писатель? Видите, каким благодетелем я оказался?

– По правде говоря, Алекс, я не ожидал такой концовки. Ну что ж... всякое бывает. Под солнцем иногда творятся такие вещи, что даже в голове не укладывается.

Фарфоровая китаянка

В конце ноября ночью пошел обильный снег и покрыл толстым слоем все вокруг. Выезжать на магистральную дорогу, не расчистив тридцатиметровую боковую, ведущую от нашего дома, было невозможно. К тому же снегопад не прекращался.

Я никуда не собирался и, когда уже стало темнеть, разжег в камине большую охапку запасенных летом березовых дров. Вскоре во входную дверь позвонили. Я пошел открывать и еще из окна увидел высокую фигуру Алексея в легкой дубленке и франтоватой норковой шапке, похожей на треуголку.

– Заглянул на огонек, уважаемый сосед. Примете гостя?

– Заходите, Алексей. Давно не виделись!

– Сегодня ночью прилетел из Пекина, остался ночевать у мамы. Встал поздно, ехать никуда не хочется, к тому же дороги замело. Решил провести сегодняшней день с мамой.

– Как там, в Пекине? Должно быть, тепло?

– Нет, там тоже холодно. В Пекине я провел несколько дней, потом отправился на остров Хайнань. Чудесное место! Великолепный песочный пляж, чистая, прозрачная вода...

– Да, мне говорили об этом курорте. Если не ошибаюсь, вы недавно уже были в Китае? Летом, кажется?

– Да, вы правы. Я был в Пекине и Шанхае, а в этот раз решил отдохнуть на Хайнане. Слышал о нем много лестного

– и не ошибся.

– Что-то вы зачастили в Китай.

– Другая страна, другая цивилизация... Все это очень интересно. До этого я ездил по Японии, побывал на всех ее островах, посетил Южную и Северную Корею, Вьетнам. И каждый раз благодарил бога за то, что родился в Москве. Для нас, людей европейской культуры, быт и повседневность азиатов чужды и непонятны. С трудом могу представить, что заведу дружбу с китайцем. Конечно, это не исключено, но лишь в том случае, если он – человек европейской культуры. Слишком уж мы разные. А вот с китайкой – другое дело! Культурный фактор и здесь, разумеется, имеет огромное значение, но если женщина вам нравится, все остальное отходит на второй план. Среди азиаток попадаются очень милovidные и современные женщины, особенно молодые. В этом плане Япония, безусловно, впереди всех восточных стран, ведь после Второй мировой войны хлынувшая мощным потоком западная цивилизация, принесенная американскими оккупационными войсками, очень быстро и радикально изменила ее. Другое дело – Китай, открывшийся миру почти с полувековым опозданием, к тому же последние столетия он заметно отставал по развитию от Японии. Правда, удивительный прогресс этой страны очевиден – она развивается гигантскими темпами, и миру придется с этим считаться. Вместе с тем народ в большинстве своем даже по российским меркам живет бедно.

Я заметил, что мой гость настроен на обстоятельную беседу и ему хочется чем-то поделиться со мной. Уже сидя за накрытым к ужину столом, Алексей продолжал:

– Кстати, кухня в Пекине меня не впечатлила. Как ни странно, уровень китайских ресторанов в Москве, Париже, Лондоне, а особенно в Нью-Йорке значительно выше, чем в самом Китае.

– Правильно ли я вас понял, Алексей? За такой короткий промежуток времени вы дважды побывали в Пекине, чтобы поближе познакомиться с тамошней кухней?

– Что ж, как известно, среда, в которой рождается человек – климат той или иной страны, ее культура и быт, в том числе и еда, – накладывают заметный отпечаток на его характер, ментальность, поведение и даже на внешность.

Кстати, вы согласны, что сближение наций и народов происходит главным образом через противоположный пол? – сменил направление беседы Алексей. – И это естественно! Чужой мужчина, принадлежащий к другой национальности или религии, видит во мне в первую очередь соперника – за женщину, за ресурсы, за власть. Женщины, наоборот, в любом мужчине видят потенциального партнера для создания семьи, источник защиты, поддержки и материальных благ. Вы, как и я, много ездили по миру. Вспомните, кто чаще улыбается вам в чужой стране, в чужом городе? Кто с удовольствием вступает в разговор, объясняет что-то непонятное? Женщина! А вы, постепенно знакомясь со страной, на-

чинаете оценивать красоту ее жительниц. Лет десять назад я совершил турне по Юго-Восточным странам: Мадагаскар, Шри-Ланка, Индия и Таиланд. В течение нескольких месяцев я последовательно ездил в эти страны на одну-две недели, наблюдал за жизнью народа, знакомился с культурой и достопримечательностями. В первые дни я не обращал никакого внимания на местных женщин. Они казались мне похожими друг на друга и в массе непривлекательными. Но через несколько дней происходила удивительная метаморфоза – я привыкал к их лицам и начинал не только легко отличать одну женщину от другой, но и замечать во многих из них особую, своеобразную красоту, иногда даже не обращая внимания на цвет кожи и разрез глаз.

Я хочу рассказать вам об одной молодой китаянке по имени Лю Син. Я познакомился с ней во время моей первой поездки в Пекин, и она произвела на меня неизгладимое впечатление. Лю была нашим гидом. Она сразу обращала на себя внимание своей миниатюрной точеной фигуркой, красивым овальным личиком, как будто расписанным талантливым художником, скромностью и интеллигентными манерами. Девушка прекрасно, на профессиональном уровне владела английским, о чем я могу судить как человек, тоже неплохо говорящий на этом языке, и довольно сносно – русским. Меня, как обычно, сопровождали два безостановочно хохочущих и восхищающихся окружающим миром юных существа – студентки московского вуза. Уже после недолго-

го общения я с трудом отводил взгляд от Лю Син, вызывая неодобрение и даже ревность моих спутниц, с которыми я еще не успел толком познакомиться.

Лю окончила языковой университет в Гонконге и совершенствовалась английский во время годовой стажировки в Эдинбурге. Еще год она учила в Харбине русский. Училась в кредит, сейчас должна постепенно погасить долг перед университетом. Живет с матерью. Отец очень рано скончался от болезни почек, Лю его не помнит. Сейчас она устроилась гидом, иногда помогает матери, бывшей учительнице, которая держит небольшой сувенирный магазин в одной из пекинских гостиниц. Обо всем этом я узнал, когда мы, устав осматривать достопримечательности (их, кстати, в Пекине не так уж много), обедали в каком-то ресторане. Девушка оказалась очень скромной и сдержанной, и все мои попытки поймать ее взгляд или на несколько минут остаться с ней наедине не увенчались успехом. Она умудрялась, с улыбкой отвечая на мои вопросы, смотреть куда-то в сторону или не отрываться от моих спутниц. Первую же попытку своих юных московских подруг обратиться к ней, как к обслуживающей, я резко пресек, объяснив девушкам, что Лю – высокообразованный и высокооплачиваемый гид-переводчик, а не официантка, приносящая кофе или мороженое. Лю улыбнулась в ответ и, ни слова не говоря, пошла за кофе – в маленьком ресторанчике под открытым небом было только самообслуживание.

На следующий день был намечен поход на Великую Ки-

тайскую стену, протянувшуюся на девять тысяч километров. Лучше всего сохранившийся участок стены располагался как раз в окрестностях Пекина. Должен заметить, что из всех виденных мною чудес света Китайская стена превзошла самые смелые ожидания. Титанический человеческий труд, оказавшийся в итоге бессмысленным, не оправдавшим надежд китайских правителей на то, что стена защитит самую развитую тогдашнюю цивилизацию от нашествия соседей-варваров! Я стоял возле этого невероятного, космического масштаба сооружения и невольно представлял себе миллионы людей, голодных и оборванных, которые тупо, как бесчувственные и безотказные роботы, трудились там в неимоверно тяжелых условиях, в летний зной и в зимние холода, не уступавшие московским, и гибли, как бабочки-однодневки – мало кто выдерживал это адское напряжение дольше двух-трех лет. Всего один человек, такой же смертный, как эти несчастные, правитель из династии Цинь, ставший фактически полубогом на Земле, затеял это безумие в III веке до нашей эры – и оно продолжалось его последователями еще полтора тысячелетия. Как получилось, что по безумной прихоти себе подобного миллионы молодых человеческих существ, рожденных для счастья и любви, оказались обречены на жестокие страдания и бесславную гибель? А сейчас, спустя два с лишним тысячелетия, я, довольный и здоровый, стою на вершине этой самой большой в мире гробницы и наслаждаюсь жизнью. «Спасибо тебе, господи,

за то, что ты так распорядился моей судьбой», – невольно подумал я.

– Алекс, не хотите попробовать подняться на вторую обзорную площадку? – предложила Лю. – Можно и выше, но вам это вряд ли нужно. К тому же девушки не взяли с собой подходящую обувь.

– А почему вы считаете, что мне нельзя выше второй обзорной площадки? Может быть, вы намекаете на мой преклонный возраст? Я еще молод, Лю, учтите! Готов даже жениться! – со смехом сказал я.

– То, что вы молодой – очевидно, – в своей мягкой манере ответила Лю. – Но подниматься на такую высоту под палящим солнцем решаются очень немногие. Может резко повыситься давление.

– Лю, а вы были на самом верху?

– Да, дважды, но подъем занимает часа полтора, даже больше. А потом два дня ноги так болели, что я с трудом ходила.

– Полтора часа? А давайте поспорим, что я поднимусь до самой верхней точки за час или за час и десять минут?

– Не следует этого делать, господин Алекс. Вы очень устанете. И потом, если подниматься так быстро, вы, не дай бог, можете спровоцировать гипертонический криз.

А я уже было потерял надежду чем-то удивить это прелестное экзотическое существо! Слава богу, нашлась хоть какая-то тема, позволяющая выйти за шаблонные рамки об-

щения.

– И все же я хочу заключить с вами пари, Лю. Если я проиграю, то есть не поднимусь на самую верхнюю площадку за час и десять, максимум пятнадцать минут, я готов... Вам решать, что бы вы хотели, чтобы я сделал?

– Нет, господин Алекс. Я отказываюсь с вами спорить. Я не имею права подвергать вас опасности.

– А вы готовы подняться со мной до самой верхней точки?

– Если вы настаиваете, я попытаюсь. Но мы пойдем не очень быстро и будем делать перерывы для отдыха.

– Предположим я проиграю. Чего бы вам хотелось, Лю? Можете просить все что угодно, кроме гостиницы, где мы остановились, и Великой Китайской стены.

Лю мягко улыбнулась.

– Я бы предпочла художественный альбом о Московском Кремле.

– А здесь они есть?

– Точно не знаю.

– Лю, а если вы проиграете?

– Я вам подарю статуэтку дракона из китайского нефрита.

– Нет, я сам скажу, что я хочу. Не бойтесь, это не будет стоить дорого и не выйдет из рамок приличия.

– А мы, мы тоже хотим участвовать, – вступили в разговор сопровождавшие меня юные хохотушки. – Если ты проиграешь, мы знаем, что мы хотим. Они выставлены на витрине в холле гостиницы.

Я видел, что мои девушки уже два дня вертятся вокруг не особо дорогих ожерелий из искусственно выращенного жемчуга фирмы «Микимото».

– Хорошо, дорогие мои девочки. Вы тоже примете участие в пари. Не пойму только, как в этих туфлях вы будете подниматься по каменным ступеням? Но если вы настаиваете – что ж, тогда берем по бутылке воды, и вперед!

Мы начали подниматься. Впереди шла Лю, бодро вышагивая своими маленькими, изящными ножками. Она была выше среднего роста, легкая, с точеной фигуркой. Сзади Лю напоминала девочку-подростка: коротко стриженные темные волосы, стройная высокая шея, худенькие руки. Фарфоровая игрушка! То и дело девушка поворачивалась в нашу сторону, чтобы подбодрить, сверкала глазами и озорно улыбалась. Уже перед второй площадкой мои рослые русоволосые спутницы сникли и, утирая выступивший на их милых свежих личиках пот, сели на ступеньки отдохнуть. Я героически продолжал подъем, но спустя примерно пятнадцать минут мои шаги стали тяжелыми и началась одышка. Лю пошла медленней и, поравнявшись со мной, сделала вид, что тоже устала. В конце концов мы кое-как добрались до последней площадки, но это заняло значительно больше времени, чем требовали условия пари.

– Я проиграл, Лю, – задыхаясь, отрывисто признался я. – Ты была права.

Лю в этот момент смеялась, радуясь, как ребенок, тому,

что мы оказались на самом верху стены, где кроме нас в это время никого не было.

– Я не ожидала, что мы сможем это сделать! – воскликнула она.

Глядя на эту прекрасную, тяжело дышащую, покрасневшую юную женщину, на ее полуоткрытые вишневые губы и белые ровные зубки, я почувствовал нестерпимое желание обнять ее и поцеловать. Должно быть, поняв это по выражению моего лица, Лю смущенно отвела взгляд и сделала вид, что смотрит с высоты на открывающийся прекрасный пейзаж. В ту минуту у меня не было более близкого и родного человека, чем эта смеющаяся девушка с такой необычной и экзотической внешностью.

Как удивительно устроена жизнь! Всего три дня назад я и понятия не имел о ее существовании. А сейчас трудно представить, что еще через несколько дней ее не будет рядом...

Наконец наши взгляды еще раз встретились. Улыбка сошла с лица девушки. Мы долго смотрели в глаза друг другу, не мигая. Я попытался поцеловать Лю в губы. Она отвернулась, но продолжала стоять на месте. Я наклонился и поцеловал ее в шею.

– Не надо, господин Алекс, прошу вас.

– Лю... я начинаю в тебя влюбляться.

– Господин Алекс, у каждого из нас своя судьба, и эти судьбы слишком далеки. Я не девушка на неделю. Простите. У меня другие взгляды на жизнь и отношения между муж-

чиной и женщиной. Через несколько дней вы улетите с вашими молодыми спутницами, и мы забудем друг друга.

– Прости, Лю, – покаянно сказал я. – Я взрослый человек с немалым жизненным опытом, а веду себя так по-юношески несерьезно.

Она не ответила. Еще несколько секунд Лю молча смотрела мне в глаза и только потом отвернулась.

Не говоря ни слова, погруженные каждый в свои мысли, мы начали спускаться. Мои девушки были уже в самом низу, сидели в открытом кафе и, со смехом щебеча о чем-то, ели мороженое.

– Ого! А мы думали, вы нас покинули! Что-нибудь случилось, Алексей? – удивились они. – Вид у тебя какой-то странный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.